

Жан-Поль Марат

Памфлеты

Письма 1776-1793

План уголовного законодательства

Проект Декларации прав человека и гражданина

с последующим планом справедливой, мудрой и свободной конституции

Материалы о Жан-Поле Марате

Герцензон А.А. Уголовно-правовая теория Марата

Далин В.М. Бабеф и Марат в 1789-1790 годах

Лозинский С.Г. Очерки Великой французской революции.

Мирабо, Дантон, Марат, Процесс Людовика 16

Солтановская Т.Г. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.

Солтановская Т.Г. Тактика Ж.-П. Марата в период деятельности

Законодательного собрания и борьба народных масс за свержение монархии

Фридлянд Ц. Ж.-П.Марат до Великой французской революции

Фридлянд Ц. Ж.-П.Марат и гражданская война XVIII в.

Цверева Г.К. Марат как естествоиспытатель

в разделе «Великая французская революция»

<http://istmat.info/node/31148>

Е.З.Серебрянская является автором интереснейшей

(и уникальной в советской историографии)

статьи «Об эволюции мировоззрения Робеспьера»

<http://istmat.info/node/28999>

Вопросы истории. 1958, № 10

Веб-публикация: *Vive Liberta* ИстМат, 2014

(Е)Катерина З(иновьевна?) Серебрянская

МАРАТ И ЕГО РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

(К ВЫХОДУ В СВЕТ «ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ» МАРАТА)*

По определению современников, публицистика Марата — это «архив революции». В ней развиты принципы революционной демократии конца XVIII в. и дан пример самоотверженного служения народу.

Однако богатейшее литературное наследие Марата еще полностью не изучено и в значительной мере ждет уточнения и систематизации.

Ряд крупнейших рукописей Марата пропал. Такова судьба большой его работы

* Жан Поль Марат. Избранные произведения. Т. 1—3. Изд-во АН СССР. М. 1956. Т. I, 366 стр.; т. II, 316 стр.; т. III, 420 стр. Ответственный редактор — академик В. П. Волгин. Составители: академик В. П. Волгин и А. З. Манфред; перевод С. Б. Кана (I и II тома) и В. М. Далина (III том); вступительная статья А. З. Манфреда; комментарии В. М. Далина.

(в двух томах по 400 страниц каждый) «Школа гражданина»¹, о предстоящей публикации которой клуб кордельеров официально объявил еще в марте 1792 года. После смерти Марата это произведение было включено якобинским клубом в «Перспект» собрания его сочинений². Перипетии революции помешали осуществить это издание. «Школа гражданина» исчезла, так никогда и не увидев света. Пропала также и другая рукопись Марата, «История революции», вошедшая в опись, сделанную в свое время делегатами Конвента на квартире Марата

¹ См. F. Chevrement. Marat. Index du bibliophile et de l'amateur de peintures, gravures etc. Paris. 1876, pp. 24, 34.

² Ж.-П. Марат. Памфлеты. М.-Л. 1934, стр. 84.

сразу же после его убийства³. Все еще не обнаружены и многие естественнонаучные исследования и письма Марата.

Во Франции до сих пор не осуществлено сколько-нибудь полное издание литературного наследия Марата. После Вермореля, опубликовавшего еще в 1869 г. однотомник произведений Марата⁴, значительную работу в этом направлении проделал в XX в. Веллэ. В 1908 г. он издал письма Марата⁵, а в 1911 г. — его памфлеты⁶.

Но и сборник писем, собранных Веллэ, и книга памфлетов, охватывающая период лишь от февраля 1789 г. по 20 сентября 1792 г., являются далеко не полными публикациями.

Новейшие французские издания произведений Марата⁷ носят хрестоматийный характер и не представляют особого научного интереса: в них собраны довольно значительные извлечения из разных его работ.

В нашей стране до последнего времени были опубликованы только письма Марата⁸ и два сборника его памфлетов⁹. В «Памфлеты» 1934 г. издания впервые включен «Проспект», представляющий интерес для более точного установления литературного наследия Марата, глава из романа «Приключения графа Потовского», интересная высказываниями автора о России и своей общей направленностью против всякого деспотизма, ряд ценных для выяснения мировоззрения Марата статей, памфлетов, речей.

³ F. Chevremont. Указ. соч., стр. 34.
⁴ A. Vermorel. Oeuvres de J.-P. Marat. Paris. 1869.

⁵ «La correspondance de Marat, recueillie et annotée par Charles Vellay». Paris. 1908.
⁶ «Les pamphlets de Marat. Avec une introduction et des notes par Charles Vellay». Paris. 1911.

⁷ J.-P. Marat. Textes choisis, précédés d'une introduction par Lucien Scheleer. Paris. 1945; Marat. Textes choisis, préface, commentaires et notes explicatives par Claude Mossé. Paris. 1950.

⁸ Марат П. Письма (1776—1793). М. 1923. «Письма» являются переводом с французского издания 1911 года. Между тем наши архивы (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) — маратовская коллекция — переписка Марата с его братом Будри) располагают интереснейшими, не опубликованными до сих пор письмами Марата (таково, например, его письмо, датированное 1783 г., об отношении к Академии наук). Публикация этих писем была бы ценным пополнением источников о Марате.

⁹ Ж.-П. Марат П. Памфлеты. М.-Л. 1934; е го же. Памфлеты. М. 1937.

Материал «Памфлетов» был сгруппирован по определенным проблемам: например, «В борьбе с буржуазной аристократией» — 1790 г., «Борьба с буржуазной контрреволюцией» — 1791 г., «Марат в борьбе с Жирондой» — революция 2 июня 1793 г. Такая структура, подчас весьма условно ограниченная хронологическими рамками, определила и соответствующий подбор статей. Это несколько суживало возможности всестороннего исследования. Затрудняло работу над источниками и то, что приведенные заглавия статей Марата, взятых из газет, в подавляющем большинстве не совпадали с заглавиями их в оригинале¹⁰.

Главный недостаток публикации 1934 г. состоял в том, что в один том «Памфлетов» не было возможности включить полный текст таких важных произведений Марата, как «Цепи рабства», «План уголовного законодательства», «Проект Декларации прав человека и гражданина» и др. Сравнительно слабо отражена в этом издании бурная революционная деятельность Марата с конца 1791 г. до созыва Конвента. Раздел «Марат в борьбе с Жирондой» представлен только одной его речью против Людовика XVI. Последние дни жизни Марата также здесь очень мало освещены. В серьезных корректурах нуждался и весьма несовершенный перевод «Памфлетов».

«Избранные произведения» Марата в 3 томах — это большой шаг вперед по сравнению не только с предыдущим советским изданием, но и со всеми публикациями в других странах¹¹.

В «Избранных произведениях» в основу расположения материалов положена общепринятая периодизация Великой французской буржуазной революции. Первый том охватывает дореволюционный период; второй — от начала революции до Вареннского кризиса; третий — период от бегства короля до смерти Марата¹². В строго хронологи-

¹⁰ Названия даны были составителем «Памфлетов» по основной мысли публикуемых отрывков или даже целых статей.

¹¹ Появление «Избранных произведений» Марата вызвало уже благоприятный отклик во Франции. Рецензия, опубликованная в «Annales historiques de la Révolution française» (№ 150, janvier — mars 1958, pp. 87—89), высоко оценивает эту публикацию и горячо приветствует ее выход в свет.

¹² Следует отметить, что отдельные разделы публикации имеют не всегда удачные названия. Так, заголовок в III томе — «Марат в Конвенте» — не соответствует публикуемым материалам. Здесь помещены речи Марата, произнесенные в якобинском клубе

ческой последовательности опубликованы сочинения Марата, вышедшие отдельными изданиями, его многочисленные статьи из газет «L'Ami du peuple», «Journal de la République Française», «Le Publicist de la République Française», важнейшие памфлеты и листовки, речи в Конвенте и якобинском клубе, отдельные письма, представляющие общественно-политический интерес¹³.

Многие материалы рецензируемого издания ранее не включались не только в «Памфлеты» (1934 г.), но и во французские собрания сочинений. Таковы, например, статьи по вопросам колониальной политики (т. III, стр. 50—52, 56—58), об отношении Марата к Сен-Жюсту (т. III, стр. 186—188), обличительные статьи против Дюмурие (т. III, стр. 167—172, 281—287), произведения Марата, написанные в последние дни его жизни, и др.

В основном в «Избранных произведениях» собраны публицистические работы Марата. Они позволяют изучить процесс складывания взглядов Марата, его борьбу за развитие и углубление революции, кипучую революционную деятельность в защиту интересов народа в период 1789—1793 гг., эволюцию его социально-политических идей. Данная публикация поможет также выяснению ряда важнейших проблем французской буржуазной революции XVIII в., в частности вопроса о том, какое место принадлежит Марату в революции вообще и в формировании ее передовой идеологии в особенности. Все это определяет несомненную научную ценность «Избранных произведений».

При отборе материалов для публикации составители проделали большую работу. Из огромного литературного наследия Марата необходимо было не только отобрать наиболее существенное, но и определить подлинность всех публикуемых материалов. Во время революции циркулировало огромное количество подделок произведений Марата. Фальшивые номера «L'Ami du peuple» стали тогда настолько распространенным явлением, что Марат

(стр. 280—281), его обращения к народным массам (стр. 247—251 и 277—280), а также статьи, представляющие биографический интерес (стр. 230—236).

¹³ Источниками для данной публикации явились также изложения устных речей Марата, напечатанные в свое время в «Mopiteur» (т. III, стр. 288—289) или изданные Оларом в его собрании протоколов якобинского клуба (т. III, стр. 280—281).

иногда вынужден был официально предупреждать своих читателей об их появлении¹⁴. После опубликования Шевремоном подробного перечня подложных сочинений Марата¹⁵ задача проверки подлинности той или иной статьи значительно облегчилась¹⁶. Только освобожденные от подделок рукописи Марата могут восстановить подлинный образ Друга народа.

Все материалы опубликованы в новом переводе, который в целом можно признать квалифицированным. Однако местами перевод не точен¹⁷.

Публикация снабжена детальным комментарием В. М. Далина, дающим значи-

¹⁴ «L'Ami du peuple», № 107, 19 мая 1790 года.

¹⁵ F. Chevremont. Указ. соч.

¹⁶ Однако в комментариях к «Избранным произведениям» встречаются досадные ссылки на номера газет, которые являются подложными и не вошли в «Избранные произведения». Такова безоговорочная ссылка на «L'Ami du peuple», № 524, 27 июля 1791 г. (т. III, стр. 351, комм. 338). О подлинности этого номера Шевремон писал в свое время (F. Chevremont. Note sur un faux numéro de «L'Ami du peuple». «La Révolution française». Т. X. 1886, pp. 669—671).

¹⁷ При переводе не всегда учитывалось некоторое расхождение в смысле тех или иных слов Марата с понятиями нашей эпохи. Так, у Марата «капиталисты» (capitalistes) — это владельцы денег, капиталов (т. I, стр. 169); «монополии» (monopoles) — привилегированные компании (т. I, стр. 168); «революция» — не всегда социальный скачок (т. I, стр. 95). Переведенные просто как «капиталисты», «монополии», эти слова могут быть не совсем правильно восприняты современным читателем.

Некоторые слова переведены довольно произвольно. Патриотическое братство (confrérie patriotique) передано как патриотическая конфедерация (т. II, стр. 98).

В разных местах «Избранных произведений» (т. I, стр. 108, 284) слова «diviser la nation» лучше было перевести не как «разделить», а как «разъединить» нацию.

Иногда в переводе дана замена слова «нация» («nation») словом «народ» (т. I, стр. 281, 287, 291, 298, 302, 303—306, 310, 314, 322—324, 326). Несмотря на близость этих понятий в терминологии французской революции XVIII в., между ними существуют такие смысловые оттенки, которые не всегда позволяют подменять одно слово другим. В указанных случаях у Марата речь идет о созыве Национального собрания и о нации (у Марата с большой буквы), представленной всеми сословиями. Понятие же «народ» у Марата в данном контексте включает только третье сословие. Кое-где наблюдается смягчение выражений Марата. Так, «trous» («tremblements») переведены как «умеренные» (т. III, стр. 339) и т. п.

тельный, малоизвестный фактический материал по истории французской революции XVIII века.

«Избранные произведения» открываются вступительной статьей А. З. Манфреда «Жан Поль Марат и его произведения», которая вводит читателя в круг событий и идей конца XVIII в. и воссоздает героический образ Друга народа, великого гуманиста-революционера. А. З. Манфред показал не только силу, но и слабость Марата, раскрыл внутренние противоречия его мировоззрения и ограниченность его идей.

Вплоть правомерно А. З. Манфред уделял большое внимание ранним работам Марата, важным для понимания генезиса его идей.

«Цепи рабства» были опубликованы в Англии в 1774 г.¹⁸; второе издание вышло во Франции во время революции, в марте 1793 года¹⁹. Этот факт отмечен как во вступительной статье, так и в комментариях. Говоря о наличии разночтений в двух изданиях «Цепей рабства», А. З. Манфред справедливо подчеркивает, что текст этого произведения «носит явные следы напластования более позднего времени». К сожалению, сам автор вступительной статьи зачастую упускает из виду эти разночтения и подвергает анализу в качестве первой крупной работы Марата текст, напечатанный в 1793 году (т. I, стр. 17, 19—22, 25).

Перевод «Цепей рабства» в рассматриваемой нами публикации сделан по второму изданию. Само по себе это не вызывает никаких возражений, так как второй вариант — более зрелое произведение Марата. Однако, помещенное в первом томе как до-революционная работа 1774 г., это произведение нуждается в детальной фиксации разночтений в каждой главе. Сравнение текстов 1774 и 1793 гг., сделанное в комментариях, является крайне неполным и не может удовлетворить исследователя (т. I, стр. 339). Необходимо конкретно указать, какой именно текст новый по сравнению с английским изданием и какие главы (и их проблематика) сокращены во французском

издании. Без этого читателю трудно составить представление о работе в целом.

Анализ первого издания «Цепей рабства» подтверждает, что уже в 1774 г. Марат прочно стоял на таких революционно-демократических позициях, которые вполне закономерно привели его к активной деятельности в 1789—1793 годах. Через всю книгу красной нитью проходит идея народного суверенитета и борьбы против феодального абсолютизма²⁰. Развивая эту идею, Марат рассматривал деспотизм как власть, узурпированную у народа. Он выступал решительным защитником народных интересов и утверждал, что народ имеет право на сопротивление угнетению.

Важное значение для понимания развития социальных и политических идей Марата представляют главы первого издания «Цепей рабства»: «О роскоши», «О страхе перед наказаниями», «Смешное тщеславие народов», «Народ кует свои оковы». Эти главы были включены автором и во второе издание. К сожалению, они не вошли в «Избранные произведения», причем этот досадный пропуск даже не оговорен в комментариях. Во второй вариант «Цепей рабства» Марат включил ряд новых глав (отсутствовавших в первом издании), которые имеют определенную социальную направленность и служат как бы теоретическим обоснованием его революционно-демократической программы: «О величине государства», «О различном возрасте народов», «О народах, являющихся друзьями бедности», «Пороки государственной устроенности», «О торговле», «Извращать имена вещей», «Разорять народы». В издании 1793 г. значительно расширена глава «Разоршение народа» (в английском издании имелась лишь ее первый абзац).

Анализ этого материала позволяет заключить, что Марат изучал социальную структуру общества, развивал идеи эгалитаризма и предлагал конкретную систему мер против растущего неравенства имуществ.

В главе «О торговле» он резко обличал пороки нарождавшегося капиталистического общества: стремление к обогащению,

жажду наживы, эгоизм, алчность, спекуляцию, холодный расчет. Все в этом обществе продажно: и вещи, и труд, и талант,— к такому выводу пришел Марат. Отмечая всеиллие олигархии горстки богачей, он брал под защиту мелких торговцев, ремесленников, всех угнетенных.

В новой редакции «Цепей рабства» автор выступает горячим защитником интересов неимущих. К этому времени он уже был широко известен как Друг народа. Но это отнюдь не Марат 1774 г., у которого неимущие вызвали лишь чувство сострадания и который еще сомневался в их способности сопротивляться угнетению. Если в 1774 г. его суждения не выходили за рамки несколько отвлеченной политической формально-правовой демократии и он отстаивал интересы третьего сословия в целом, то в 1793 г. у Марата уже имелась четкая программа эгалитаризма; он резко обличал богачей и последовательно защищал неимущих. Революционный якобинизм Марата 1793 г. сильно сказывается и на композиции книги и на ее новом логическом стержне. Тогда как в издании 1774 г. в основном прослеживалась история усиления деспотизма, делался акцент на то, каким образом для народа были выкованы цепи рабства, в редакции 1793 г. Марат с первой главы (тоже новой) до последней (расширенной) раскрывал революционную тему «Общественного договора» Руссо: «Человек рождается свободным, а между тем повсюду он в оковах». Вот почему, как и его предшественник, Марат в новых главах прослеживал развитие общества от века свободы — золотого века «младенчества» человечества — до потери им этой свободы. Но он уже не довольствовался абстрактной формулой Руссо о праве на сопротивление угнетению, а настаивал на безотлагательной необходимости победоносного революционного востания народа во имя торжества свободы и равенства.

Идеи востания в основных своих чертах были развиты еще в «Цепях рабства» 1774 г. издания (в главе «Напрасные усилия народа») ²¹. Благодаря уже одному этому данная работа Марата заслуживает высокой оценки. Во втором варианте произведения мысль о востании получила дальнейшее развитие: автор ввел новые главы — «Слепая беспечность народа», «О внешней войне», «О гражданской вон-

не» — и, что особенно важно, дополнил главу «Напрасные усилия народа», в которой поставил вопрос, что именно должны предпринять народные массы после того, как восстание победит. Здесь, между прочим, Марат сделал очень глубокое и исторически верное наблюдение, отражавшее реальное соотношение сил во французской буржуазно-демократической революции XVIII века. Он писал, что если в борьбе с деспотизмом все выступали едино, то, «как только пришло время установить новую форму правления, единства как не бывало». И далее Марат вскрыл один из источников слабости восставших: «Они хорошо знают, чего избежать, но не то, чего им искать» (т. I, стр. 153). Действительно, буржуазные революционеры XVIII столетия были сильны в своей негативной программе, в своем разрушительном действии, но они представляли себе очень туманно, что нужно было «искать», создать.

Таковы в самых общих чертах наиболее существенные расхождения в двух редакциях «Цепей рабства». Если принять во внимание еще ряд новых примечаний Марата и другое введение, написанное им в 1792 г., и учесть, что в 1793 г. книга по сравнению с предыдущим вариантом увеличилась в объеме почти вдвое, то станет ясно, что мы имеем дело, по существу, с двумя разными работами. Игнорирование этого обстоятельство неизбежно должно было привести исследователей к ошибочным выводам о мировоззрении раннего Марата и эволюции его идей.

Не только представители реакционной историографии, вообще тенденции искажения образ мысли Марата, но и его биографы, такие, как Жерар Вальтер²², Бужар²³ и Шевремон²⁴, не считались с существенными различиями двух изданий «Цепей рабства». В главах, посвященных раннему Марату, они просто пересказывали общее содержание французского текста этого произведения, игнорируя коренные изменения во втором варианте. Именно этим объясняется господствующий в историографии ошибочный взгляд об идентичности убеждений Марата в 1774 г. с его взгляда-

²² G. Walter. Marat. Paris. 1933, pp. 25—38.

²³ A. Bougeart. Jean Paul Marat, L'Ami du Peuple. Paris. 1865, pp. 82—95.

²⁴ F. Chevremont. Jean Paul Marat, esprit politique, accompagné de sa vie scientifique, politique et privée. Vol. I. Paris. 1880, pp. 13—26.

¹⁸ Marat. The chains of slavery. A work wherein the clandestine and villanous attempts of princes to ruin liberty are pointed out and the dreadful traces of despotism disclosed. To which is prefixed an address to the electors of Great Britain. London 1774.

¹⁹ Les chaines de l'esclavage... par J. P. Marat, l'Ami du peuple. Paris. L'an premier de la République.

²⁰ Marat. The chains of slavery... pp. 243—256. В этом аспекте очень интересны его мысли о религии и особенно о христианстве. Он решительно критиковал христианство как религию смирения и покорности. Уже в издании 1774 г. Марат подчеркивал важность этического назначения религии («сделать из человека гражданина»), что позже пытались осуществить якобинцы.

²¹ Там же, стр. 146.

ми в период революции. К сожалению, и вступительная статья А. З. Манфреда не дает четкого освещения этого вопроса.

Другим крупным ранним произведением Марата, опубликованным с некоторыми сокращениями в первом томе, является «План уголовного законодательства»²⁵. Этому большому труду отведена единственная фактическая справка, что совершенно недостаточно (т. I, стр. 345—346, комм. 60)²⁶. Развернутые комментарии необходимы прежде всего потому, что буржуазная литература искажает смысл «Плана» и, как правило, либо вовсе игнорирует значение этого произведения²⁷, либо чрезмерно превозносит его, считая чуть ли не «руководством по коммунизму»²⁸.

Составители опубликовали текст «Плана» издания 1790 года. Как и в «Цепях рабства», редакция дореволюционного «Плана уголовного законодательства» и редакция 1790 г. значительно отличаются друг от друга по структуре и по содержанию. Первое издание «Плана» утеряно. «Библиотека» Бриссо сохранила для истории второе дореволюционное издание, и было бы весьма интересно текстуально проследить его отличие от варианта 1790 года²⁹.

В тексте 1790 г. больше развиты социальные идеи Марата, идеи защиты интересов неимущих: например, включены его предло-

²⁵ Полное издание текста «Плана уголовного законодательства» выпущено Юриздатом в 1956 году.

²⁶ Справка В. М. Далина по поводу разных изданий «Плана уголовного законодательства» не точна. Новейшее исследование Герцензона (А. А. Герцензон. Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата. М. 1956, стр. 93—95) уточняет факты. Издание «Библиотеки» П.-Ж. Бриссо («Bibliothèque philosophique de législateur, du politique, du jurisconsulte... etc») началось в Невшателе в 1782 г., а не в 1780 г., как указано в комментарии. Опубликованный Бриссо в 5-м томе его «Библиотеки» текст «Плана уголовного законодательства» является не первым, а вторым изданием. Первое издание Марат сам опубликовал в Невшателе в 1780 году. Таким образом, издание 1790 г. (в Париже) было по счету третьим, а издание 1795 г. — четвертым.

²⁷ E. Seligman. La justice en France pendant la Révolution (1789—1792). Paris, 1913; A. Esmein. Précis élémentaire d'histoire du droit français de 1789 à 1814. Paris, 1911.

²⁸ G. Walter. Указ. соч., стр. 51—53; его же. Un manuel de communisme. «Revue des deux mondes», 15 февраля 1933 г., стр. 662.

²⁹ Это в известной степени сделано в работе Герцензона (А. А. Герцензон. Указ. соч., стр. 145—153).

жения о конфискации церковных имуществ и распределении их среди бедняков, об организации общественных мастерских для безработных (проекты, неоднократно развивавшиеся им в газете «L'Ami du peuple») и т. п. Марат и здесь подчеркивал пагубные последствия роскоши и неравного распределения богатств.

В «Плане уголовного законодательства» 1790 г. издания гораздо резче, чем в предыдущих вариантах, говорится о королевской власти. Оскорбления, нанесенные королю, вовсе не игнорируются, по мнению Марата, государственными преступлениями. Он прямо пишет о близком падении монархии: «Довольно, слишком долго эти ненавистные тираны опустошали землю. Их царство идет к концу...» (т. I, стр. 242).

Таким образом, даже самая общая характеристика различий в изданиях «Плана уголовного законодательства» 1782 и 1790 гг. показывает, какое значение имело бы детальное сличение текстов для правильного понимания формирования социально-политических идей Марата. К сожалению, такое сравнение не было сделано составителями «Избранных произведений». Публикуемый как дореволюционное произведение, без каких-либо указаний о текстуальных изменениях издания 1790 г. по сравнению с изданием 1782 г., «План уголовного законодательства» может породить не совсем правильное суждение о взглядах раннего Марата.

К революции 1789 г. Марат пришел уже со сложившимися в общих чертах революционно-демократическими взглядами. Он был решительным противником абсолютистского режима, борцом за широкие демократические права народа, за осуществление народного суверенитета. Классовая борьба в период революции, героические битвы масс и решающая сила народного движения — все это привело к дальнейшему развитию его социальных и политических идей. От революционно-демократических воззрений вообще, от выступлений, отстаивавших интересы всего третьего сословия в целом, Марат перешел со всей определенностью к защите бедняков, неимущих, широких народных масс.

Вся борьба Марата за углубление революции диктовалась в конечном счете насущными потребностями трудящихся, которые ничего, по существу, не получили от буржуазной революции. «Что же мы выигрываем от того, что уничтожили аристократию дворянства, если ее заменит аристокра-

тия богатей?» — восклицал Марат в своей статье «Прошение 18 миллионов несчастных депутатам Национального собрания» (т. II, стр. 166). «До сих пор новый порядок вещей — целиком на пользу богачам...» — говорил он в другом месте статьи, названной «Прошение отцам сенаторам или весьма основательные требования тех, кто ничего не имеет» (т. II, стр. 160). Бедняки высоко ценили отношение к ним Марата в названной «Прошении отцам сенаторам» Другу народа они называли его «дорогим пророком. истинным защитником класса бедных»³⁰.

К сожалению, в данную публикацию не вошли представляющие несомненный интерес выступления Друга народа в защиту Бабефа и его «Петиции о налогах»³¹, протест по поводу закона Ле Шпелье³² о правах рабочих корпораций, острая статья в защиту неимущих, напечатанная в «Le Mopiteur patriote» (1789, № 1)³³, аграрный проект³⁴, планы уничтожения нищеты³⁵, проект общественных работ по прорытию канала³⁶, не включены многие важные для раскрытия эгалитарных идей Марата статьи из газет, нет ряда интереснейших его писем.

Отсутствие в «Избранных произведениях» этих материалов социально-экономического содержания ограничивает наше представление о сложном идейном облике Марата.

С начала революции Марата живо интересовали социальные вопросы. Достаточно вспомнить его эгалитарную программу в «Проекте Декларации прав человека и гражданина», в новой редакции «Плана уголовного законодательства», в многочисленных статьях, а также его проекты организации общественных мастерских для

безработных, выступления по вопросам финансовой и продовольственной политики Национального собрания, аграрные проекты и т. п. Он неизменно говорил о тяжелом экономическом положении народных масс, разоблачал спекулянтов и спекулянтов, высмеивал «так называемое царство свободы», где народ «доведен до страха перед голодной смертью» (т. III, стр. 36, 67—72, 80—81). И хотя Марат не решался на требование «максимума», как это делали «бешеные», он упорно искал путей разрешения социальных проблем в интересах народа.

В ходе революции углублялись общественно-экономические идеи Марата: изменялось его отношение к аграрному вопросу, все более определенным становилось понимание им социального равенства. Еще в декабре 1790 г. Марат настаивал на конфискации у эмигрантов земельных владений и распределении их среди неимущих³⁷, превосходящая тем самым основную идею вапозовских декретов 1794 года. На всем протяжении революции он добивался передачи беднякам части земель, конфискованных у церкви. Об этом мы читаем в «Плане уголовного законодательства» (т. I, стр. 227), в письме Камиллу Демулену (т. II, стр. 159), в ряде статей Марата³⁸. Выступая лоборником раздела крупных земельных владений между наибольшим числом собственников, «за равное распределение всего» (т. I, стр. 222), Марат, однако, был противником принципов «строгого равенства» (égalité rigide). В этом отношении представляет интерес его статья в «Journal de la République Française» от 3 марта 1793 г., в которой он высказывал свое отрицательное отношение к «аграрному закону».

Особенностью Марата в отличие от других политических деятелей того времени была органическая, неразрывная связь его социальных и политических идей. Высказываясь против актов Национального собрания о делении граждан на «активных» и «пассивных», он ставил при этом самые острые социальные проблемы, касавшиеся нищеты народа. Свои предложения о конфискации имущества эмигрантов Марат использовал как политическую меру борьбы с врагами отечества. Его выступления по экономическим вопросам (о финансовых

³⁰ «L'Ami du peuple», № 487, 12 июня 1791 года.

³¹ «L'Ami du peuple», № 153, 4 июля 1790 года.

³² «L'Ami du peuple», № 493, 18 июня 1791 года. Прогрессивный французский историк Массэн подчеркивает, что Марат был единственным из якобинцев, выступившим против закона Ле Шпелье (J. Massin. Robespierre. Paris, 1956, p. 60).

³³ ИМЛ при ЦК КПСС располагает этим редчайшим экземпляром. Публикация названной статьи была бы тем более ценной, что она не вошла до сих пор ни в одно из изданий произведений Марата.

³⁴ «L'Ami du peuple», № 546, 5 сентября 1791 года.

³⁵ «L'Ami du peuple», №№ 130, 133; 11 14 июня 1790 года.

³⁶ «L'Ami du peuple», № 413, 28 марта 1791 года.

³⁷ «L'Ami du peuple», № 318, 22 декабря 1790 г.; № 382, 22 февраля 1791 года.

³⁸ «L'Ami du peuple», № 546, 5 сентября 1791 г.; «Journal de la République Française», № 138, 2 марта 1793 года.

проектах Неккера, о свободе торговли, об уничтожении безработицы и т. п.) неизменно находились в неразрывной связи с вопросами о политической власти, о революции. «Революция закончится с установлением полного равенства»³⁹, — утверждал Марат.

При освещении социально-политических идей Марата большой интерес представляет отношение его к республике. Анализ источников, помещенных в «Избранных произведениях», помогает правильно разрешению этого вопроса. Нам представляется неубедительным весьма распространенное в исторической литературе представление о том, что Марат оставался монархистом чуть ли не до 1792 года.

Формально-юридическая традиция, рассматривающая республиканское движение во французской революции XVIII в. исключительно как политическое движение, в отрыве от его классового содержания, давно нуждается в пересмотре. Только выяснив, какой именно социальный смысл вкладывали деятели изучаемой эпохи в понятие республики, можно ответить на вопрос о республиканизме Марата и якобинцев.

Известно, что Руссо в «Общественном договоре» предпочитал сохранить для крупных государств, в том числе для Франции, монархию. Это не помешало Энгельсу охарактеризовать «Общественный договор» как «республиканский»⁴⁰. Образ мыслей Руссо давал все основания для такого вывода. В своей работе о развитии предреволюционной французской политической мысли конца XVIII в. В. П. Волгин писал: «Общественный договор» Руссо, пропагандируя идеи неотчуждаемого народного суверенитета, прямого законодательства народа и выборности магистратуры, тем самым пропагандировал основные принципы республиканской теории»⁴¹.

Нам представляется, что при изучении отношения Марата к монархии следует различать две стороны этого вопроса — принципиальную и тактическую. Принципиально республиканская идея заключена в общих чертах уже в первой редакции «Целей рабства» 1774 г., где разбираются вопросы народного суверенитета. С еще

большей четкостью республиканизм Марата выступает в последующих его работах. В «Проекте Декларации прав человека и гражданина» ставилась задача определить ту меру власти, «которую можно безопасно доверить государю» (т. II, стр. 11), а в «Плане уголовного законодательства» (издание 1790 г.) король рассматривался лишь как слуга закона; он такое же должностное лицо нации, как и любой государственный чиновник (т. I, стр. 242). В понимании Марата, монархия приобретала бы тем большее республиканское содержание, чем полнее осуществлялся бы на деле суверенитет народа.

Марат считал необходимым сохранять короля, но низложил его до роли исполнителя воли народа и тем самым лишил его политического значения. Монархия, по существу, приобретала у Марата, как и у Руссо и Мабли, новое, республиканское содержание. Когда же в ходе революции выявилась контрреволюционная роль короля, Марат пришел к мысли о необходимости его низложения.

Тогда же Марат иронически писал: «Для всякого непредубежденного человека король французов нужен еще меньше, чем пятое колесо в телеге, потому что только способен мешать ходу политической машины» (т. II, стр. 227).

Тактически Марат выступил против королевской власти во Франции, как только создалась благоприятная политическая обстановка для победы народа. Некоторые его колебания в этом вопросе определялись требованиями момента, а не отрицательным отношением к идее республики в принципе. Республика трактовалась Маратом как демократия. «Быть республиканцем — значит быть демократом»⁴², — так сформулировал он свою позицию в июле 1791 года. Торжество республики мыслилось им как результат победоносного вооруженного восстания. По мере усиления республиканского движения французского народа борьба Марата за демократическую республику все больше насыщалась социальным содержанием.

Мировоззрение Марата отразило в себе всю противоречивость революционной буржуазной идеологии XVIII века. По своей классовой природе она в своих представлениях о будущем общественном строе не могла выйти за пределы буржуазных отношений. Борясь за общенародные интересы,

⁴² «L'Ami du peuple», № № 507—508, 1—2 июля 1791 года.

якобинцы искренне верили в общее благоденствие. Однако на практике они могли лишь предложить идеализированный буржуазный порядок, покоящийся на эксплуатации человека человеком. Подлинный революционер, Марат был в то же время, несомненно, ограничен рамками своей эпохи и мироощущением своего класса. Не выйдя из круга мелкобуржуазных уравнилельных идей, признавая необходимость сохранения частной собственности, он при всей своей близости к народу и гуманистической устремленности своих взглядов объективно отстаивал существование классового общества. Как и другие деятели французской революции XVIII в., Марат не признавал того, что борется за буржуазное общество, весьма далекое от тех идеалов, в которые он верил. Занимая самую последовательную, радикальную позицию на левом фланге якобинского блока, Марат вкладывал свое «плебейское» понимание в буржуазные идеалы равенства и братства, начертанные на знамени французской революции.

«Но, — как писал Энгельс, — эти плебейские равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто прямо противоположное им, и, как всегда, по иронии истории, плебейское понимание революционных лозунгов стало

самым мощным рычагом осуществления своей противоположности — буржуазного равенства — перед законом — и братства — в эксплуатации»⁴³.

Коллизия мечты и действительности у Марата, как и у других великих буржуазных революционеров XVIII в., заключалась в том, что его эгалитарные идеалы означали бы на практике лишь создание буржуазно-демократической республики со всеми вытекающими из нее социальными бедствиями для народа.

Чтобы раскрыть социальное содержание революционно-демократических взглядов Марата, особенно сложность и внутреннюю противоречивость его мировоззрения, необходимо всесторонне подойти к исследованию его идей, рассматривая их в совокупности субъективных устремлений и объективного содержания.

Издание «Избранных произведений» Марата позволит более глубоко изучить развитие социальных и политических идей французской революции XVIII века. Оно явится не только важным материалом для историков, но и найдет доступ к широкому кругу советских читателей, которым дороги революционные традиции великого французского народа.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 81—82.

³⁹ «L'Ami du peuple», № 150, 1 июля 1790 года.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 463; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18.

⁴¹ В. П. Волгин. Политический радикализм накануне французской революции. «Историк-марксист», 1939, кн. 3, стр. 35.